

18+

АЛИНА
ГРЭЙ

**ПОЛЁТ
ОПАЛЕННЫХ
КРЫЛЬЕВ**

Алина Грэй

Полёт опаленных крыльев

«Издательские решения»

Грэй А.

Полёт опаленных крыльев / А. Грэй — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-531263-1

«Полёт опаленных крыльев» — повесть о первой любви, жизни в деревне и переезде в столицу, о непростом пути к счастью, с привкусом ностальгии 90-х. Основана на реальных событиях. В этих каменных джунглях, где непочатый край работы и запах денег, не всем хватает места под солнцем. Выживут родившиеся в нужной семье или упрямые оптимисты. Мы так боимся искренности, что прячем слезы. Так боимся любить, что кажемся равнодушными. А почему бы не полететь снова. Даже если это — полет опаленных крыльев.

ISBN 978-5-00-531263-1

© Грэй А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Экзамен	6
Глава 2. Друг детства	8
Глава 3. Выпускной	10
Глава 4. Вторая жена	12
Глава 5. Студенчество	17
Глава 6. Встреча	20
Глава 7. Разочарование	25
Глава 8. Падал белый снег...	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Полёт опаленных крыльев

Алина Грэй

Фотограф Елена Сорокина

© Алина Грэй, 2021

© Елена Сорокина, фотографии, 2021

ISBN 978-5-0053-1263-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Экзамен

Вот и настал этот волнующий для абитуриентов день. Карина еле стояла на ногах. Многочасовое пребывание на жаре, голод, усталость давали о себе знать. Еще и куда то запропастился Серик с обещанными пирожками. Наконец объявили что через пять минут огласят список поступивших на гранты. Волнение усилилось, родители подошли поближе к своим детям, а она стояла одна. Не стала подвергать стрессу маму, у которой последняя надежда дать дочери высшее образование была на эту новую конкурсную систему.

Жили они в ста километрах от города студентов и мама, заслышав звук проезжающей машины, нетерпеливо выглядывала в окно. Не поступит – ничего страшного, – пыталась она себя успокоить. Может, в колледж или в училище успеет документы подать. Эх, на сельскую квоту рассчитывать не приходится, будет соревноваться с городскими детьми. Может, за победы на олимпиадах баллы прибавят, – надеялась мать, вырастившая одна уцелевшую в том страшном ДТП дочь.

Роковая ночь когда она потеряла сына и мужа разделила ее жизнь на До и После. Прошло десять лет, но она так и не научилась спокойно реагировать, слыша их имена, когда кто-то окликал своих близких. По ночам мысленно обращалась к ним, в надежде что их души ее слышат. Когда воспоминания разрывали сердце на клочки, не зная куда деться от преследующего смеха сына, их счастливых лиц на фото, она напивалась до отключки. Пока в такой же жуткий февраль, спустя три года, чуть не угорела с малолетней Мариной. Вычистив и побелив дом, сложила все оставшиеся фото и вещи сына с мужем и унесла на чердак. Наплакавшись до состояния когда веки больно открывать и вместо глаз видны щелочки, спускаясь с лестницы, запоминала какое сегодня число, так как подниматься туда себе поклялась не чаще раза в месяц.

«Объявляется список обладателей образовательных грантов и кредитов!» – объявили в микрофон. Шум, гам, говор исчезли моментально.

Услышав свою фамилию, одни не могли сдержать восторга, а другие спешили скорее выбраться из толпы, смахивая слезы. Карина ощущала как колотится сердце, надеялась, но так и не услышала своего имени в числе поступивших. Серик, приехавший ее поддержать, тоже заметно нервничал, держал за руку.

У Карины екнуло в груди когда объявили последнего поступившего по ее профилю. Счастливую загорелую девочку с сертификатом в руке обнимали родители. Монотонный голос в микрофон продолжал объявлять счастливиц. «На следующий год поступишь», – пытался успокоить, выбираясь из толпы, ее верный друг. Она растерянно брела за ним, уже зачисленным на платное отделение престижного вуза. Он не был виноват что родился в обеспеченной семье. Что у них был красивый большой дом с огромным забором, а дом Карины на два хозяина, стоял на окраине, огражденный ветхой калиткой. Заметало за ночь до середины окна, глядя из которого, Карина узнавала проходящих к ним по сапогам. Вдвоем с Сериком чистили снег, рыли дорожки к дороге и уличному туалету. Сейчас он снова испытывал вину перед ней.

«Образовательный грант присуждается Омаровой Карине Руслановне!», – нереально прогремело в воздухе.

– Это же ты! – радостно закричал соклассник, – вот мы дураки, кредиты-то отдельно зачитывают, а гранты – отдельно!

– А это точно я!? – не верила Карина, пока Серик, проворно минуя пробки из людей, тащил ее за руку назад, к импровизированной сцене на крыльце университета.

День выписки после ДТП пришелся на ее день рождения. В больнице они с мамой провели почти месяц. Брата и отца похоронили без Карины. Мама протянула ей коробку. Она рванула ленточку и достала белую курточку, такого же цвета шапочку, шарф и перчатки, именно такие как она мечтала, где каждый палец отдельно, а не варежки, к которым мама вечно пришивала резинку и просовывала через пальто, чтоб не потерялись. «Мама, где Тимка с папой? Их не выписали еще? Мамочка, ну не молчи пожалуйста». В первый раз она не слышала звука своего голоса когда плакала. Слезы беззвучно катились отдаляя ее от детства.

Мама не ходила на работу. И пол не мыла. На обед часто ели макароны или наспех пожаренную яичницу, с треском скорлупы на зубах. Карина не ходила в школу. Когда звонили по телефону или в дверь, мама не открывала и просила сидеть тихо. Изредка выпускала во двор, где гоняли в футбол друзья Тимура. Как-то подходя к подъезду, она услышала разговор соседок на лавочке: «Ой, не говори, все же ради дочери могла бы себя в руки взять. У Каринки все рукава на куртке аж черные, кажется, Алия совсем запила». Увидев Карину, женщины растерялись: «Кариночка, как мама? Что-то даже во двор не выходит, привет передай!». «Спасибо», – пробормотала Карина и, чувствуя, как краска стыда заливает лицо, забежала в подъезд. Дома содрала с себя куртку, бросила в тазик, бухнула порошок и с яростью жамкала рукава, взбивая густую серую пену. «Доча, представляешь, Советский Союз распался», – от мамы опять пахло алкоголем. Ой, куда ты столько порошка то... да ладно... Бог с ним... Иди, доча... Я сама прополощу». Карина, не переодеваясь в пижаму (этой традиции больше не было), легла в кровать, накрылась с головой. Жалость к матери, злость на ее слабость, обида на безжалостные языки взрослых людей смешались в сумбурный коктейль из слез, пропитавших подушку.

В надежде притупить боль и выбраться из депрессии, Алия продала квартиру, уволилась и уехала из города, где все напоминало о погибших сыне и муже. Особенно мучительно было слышать смех друзей Тимура. Она плотно закрывала окна, накрывалась одеялом с головой, но детские голоса звенели в ушах. Ненавидела ночи. Уставший мозг атаковали вопросы. За что? Почему именно со мной? Почему мы не умерли все вместе?.. Жестокие мысли железным обручем давили на виски. Выпивала залпом крепкий китайский самопал из пластиковой бутылки. Получала спасительное расслабление и сознание благодарно проваливалось в нетрезвый сон. Но неизбежно наступало утро. И напоминало что все произошедшее – не страшный сон, проснувшись от которого радостно вздыхаешь – уфф, слава богу! К всевышнему у Алии накопилось много вопросов.

Она проснулась от голоса проводника, объявившего их станцию. Вернулась в родной поселок, откуда молодой девушкой уезжала учиться. Замужество. Двое детей. В последнее время говорили о третьем. Муж шутил – может, успею еще гол забить. Но игроков в их команде наоборот убавилось вдвое. Остались – резко постаревшая сорокалетняя женщина и девочка с ногами-спичками.

Глава 2. Друг детства

Она хорошо запомнила тот день, когда они с мамой вышли из вагона на станции, которая открывала новую главу их жизни. Это был провинциальный поселок, где как правило все знакомы, а одна четвертая часть – друг другу родственники.

Карина из городской девочки быстро превращалась в сельского подростка. Научилась топить печь, сепарировать молоко, доить корову, разводить корм теленку. Шоколадные конфеты и апельсиновый сок исчезли из их рациона еще до переезда. Зато появились домашние сливки, молоко, свежие куриные яйца. В школу ее никто не возил, как в той жизни, не знавшей похоронных хлопот. Максимум что сделает мама чтобы уберечь от мороза, это завяжет лицо шарфом по самые глаза. В то непростое время когда они пытались строить новую жизнь без своих мужчин, появился добрый смешной друг Серик. С вечно подбитым глазом и парой жевачек Turbo со вкусом дыни.

По окончанию школы оставалось два варианта- либо поверить в возможность поступить бесплатно, либо пойти работать, не получив высшего образования. Дни и ночи подготовки – зубрежка, книги, цифры, сны, вперемешку с литературными героями и историческими личностями. Она верила и не верила в возможность поступить. Особенно страшно было расстроить маму. И вот мама, вытерев об фартук, дрожащими руками держала сертификат. «Доча, даст бог и ты выбьешься», – голос задрожал и они обнялись, смахивая слезы.

Алия втайне мечтала что Серик станет ее зятем. Как только пришла оформлять документы в новую школу, ей на глаза попался этот шустрый мальчонка.

- Это вашу дочь к нам в класс переводят?
- А пятый Б – ваш класс?
- Наш! А она хорошо учится?
- В своей школе отличницей была, – улыбнулась мать.
- Тогда я скажу, чтоб ее со мной посадили!

Они сидели вместе с пятого класса до самого последнего звонка в 11-м. Вместе ходили в школу, возвращались, участвовали в конкурсах и олимпиадах, на вечеринки и дискотеки ее отпускали только с ним. Из вихрастого задиристого мальчишки, с вечно расстегнутой ширинкой, он превратился в высокого кареглазого парня. Вытянулся он к десятому классу за одно лето, радости не было предела еще и потому, что, не придется просить Карину обувать китайские мокасы на плоской подошве, которых на рынках, благодаря отлаженной работе китайского производства было пруд пруди и он ей подарил их на день рождения. Кто-то из гостей перевел надпись на обуви, она означала «СПИ СПОКОЙНО». Такими живыми трупами щеголяло полшколы.

Взрослые как обычно бывает после первого стола затевали разговор о распаде СССР, кто что и у кого украл, а фамилия Горбачев казалась уже родной, настолько часто говорили о мужчине с грустными глазами и родимым пятном на голове. Карине почему-то было его жалко. Ведь когда отец и Тимка были живы, именно он по телевизору поздравлял всех с Новым годом.

А у Серика не было мамы. Ему было 5 лет, когда она умерла от рака. Из того немногого, что он помнил, было то, что она его кормила яблочным пюре из баночки (баночка хранилась

у Серика в старой картонной коробке. Краешек наклейки, где был нарисован ребенок, ободрался и пожелтел. Там же в лоскутке ткани, он хранил свой первый волос, фотографии матери, ее открытки). Лет через пять отец женился на девушке лет на десять лет старше Серика.

Вскоре у них родилась девочка. Когда ей отмечали 40 дней и звали гостей, он ушел с ночевкой домой к Карине.

Предатель, – говорил он мысленно отцу, глотая злые слезы и пытаясь уснуть под теплым верблюжьим одеялом. Видел же как ОНА сняла их семейный черно-белый портрет. Отец рассказывал что в тот день мама долго выбирала платье и они нарядные пришли в фотоателье с годовалым Сериком.

Позже он спрашивал отца: «Почему такие лица серьезные у вас? Это же мой день рождения!». «Да, мы просто моргнуть боялись», – грустно улыбнулся отец. Теперь же на месте их портрета красовалось цветное фото с выписки из роддома. Посередине Она с розовым пискливым кульком, рядом отец, пытавшийся поставить сына рядом с собой, но тот юркнул и встал последним. С краю, возле соседа, и в итоге его плечо и рука не вошли в кадр. Раушанка виновато протянула пасынку прежний портрет где не было ее, но была жива мама: «Серик, не обижайся, но пусть теперь в твоей комнате стоит». Он вырвал фото из рук и убежал. Отец несколько раз порывался зайти к Серику, но боялся услышать то, что могло омрачить этот день. Впервые за долгое время он был по настоящему счастлив, вдыхая нежный младенческий запах и трогая крохотные пальчики. Он даже сбрил усы, чтобы вдоволь чмокать маленькую дочку, не раздражая ее кожу.

Глава 3. Выпускной

Как стремительно и беспощадно летит время. Где они шальные 90-е, с привкусом сникерса, музыки, так быстро ставшей ретро, и любимых сериалов, ради которых наспели доилась коровы, поливались огороды, чтобы успеть к началу, и семья сплоченно переживала за судьбу «Просто Марии». Где книги с закладками и пометками на страницах, девчачьи анкеты без секрета, где самым важным был ответ на вопрос, нравится ли вам хозяйка анкеты. А эта романтическая забава – объекту любви звонить на городской телефон и молча дышать в трубку или включать медлячок?

Выпускной бал. Прощание с детством. Брызги шампанского, смех, шелканье фотоаппарата, песни под гитару, все это обретало особенную ценность еще и потому, что многие, знавшие друг друга с шести лет, возможно, больше никогда не увидятся. Разъедутся по разным городам строить свои жизни. Как много всего еще впереди. Спросите у сегодняшних сорокалетних: «Как прошло 20 лет?». Они вам ответят: «Как вспышка». Насмешка молодости. Когда щемит в груди от мысли, что ведь вроде все вчера было. Родителям, а не вам по сорок с небольшим лет. И они казались пожившими, такими взрослыми.

Утомленные, взволнованные ребята начали понемногу расходиться. Когда Карина с Сериком остались вдвоем, оба примолкли, задумались, причем это была не одна четко оформленная мысль, а целый коктейль эмоций и скачущих хаотично мыслей.

– Карина, пойдём к реке.

– Ага, я на каблуках, голову шпильками сдавило и поспать надо перед походом.

– Выспаться можно и в походе, туфли снимай, а волосы... – он расстегнул заколку и двухчасовой труд подружки, рассыпался по плечам. Он неожиданно схватил ее на руки и начал кружить.

– Отпусти, я тяжелая, мне неудобно, ой все кружится, сейчас упаду. Их лица оказались совсем рядом.

– Я люблю тебя, – выпалил он и, резко отпустив ее, начал удаляться.

Она растерялась и побежала за ним. Молча сидели у реки и не знали как себя вести. Карина впервые услышала такие слова от парня в свой адрес (если не считать записок и шоколадок от мальчика в бм классе вскоре переехавшего в Германию). Он втянул голову в плечи и выглядел очень робким и сконфуженным. Неужели это он, первый в драках и тусовках, дерзкий и остроумный, такой всегда понятный и родной, не может поднять глаз?..

– Я никогда никому этого не говорил... Ты понимаешь? – он взволнованно посмотрел на нее.

В то утро произошло важное событие – первый поцелуй. Карина не могла понять себя. Неужели это и есть то, что так романтично показывают в сериалах? Ей казалось что что-то важное в их дружбе было разрушено.

А он хотел ее по-взрослому, хотел быть первым и единственным, прикоснуться к каждому сантиметру кожи. Обняв, он впился зубами ей в плечо, чтобы унять зов плоти, а Карине было страшно, потому что она не узнавала своего старого доброго друга. Она тоже мечтала о большой любви, даже мысленно сформировался собирательный образ любимого мужчины, похожего на Атоса из Трех Мушкетеров, но поцелуй с Сериком показался инцестом.

Вскоре они с отцом уехали поступать в институт и покупать квартиру студенту. Накануне был грандиозный скандал с женой.

– Серик если поели, идите с Анелей с летней кухни, нам надо поговорить.

Пасынок нервно хлопнул дверью. За ним засеменила шестилетняя сестренка, прихватив пару яблок.

– Мы же собирались сами переехать в город! Хотели открыть бизнес! – когда она кричала, голос неприятным визгом резал слух. Поседевший смуглый мужчина нервно закурил.

– Ты хотела. Не я.

– Мало того, что твой сын не поступил своим умом и все пять лет будем платить бешеные деньги, еще и квартиру! Зачем студенту двухкомнатная квартира в самом центре?

– А вот в этом ты права...

Раушан облегченно вздохнула и ополоснув последнюю пиалку, присела наконец сама выпить чаю. Она любила, покормив семью, остаться одна на кухне и не спеша пить чай с малиновым вареньем. Он затушил сигарету в баночку из под томатной пасты.

– Серик так и остался только моим сыном, — закончил он невеселую мысль. – Хочешь – разведемся, – глухо обронил он.

Раушан не ожидала таких слов. Бывало, и ссорились они за эти восемь лет, но никогда муж не говорил о разводе.

Глава 4. Вторая жена

Раушан вышла за вдовца с ребенком назло обманувшему однокурснику. Приехала к маме погрустить о своем девичьем, развеяться. Даулет после смерти жены стал у них молоко да сметану покупать. В детстве они любили с подружками хихикать над совсем молодым тогда агаем. Он упорно добивался внимания Карлыгаш. Дрался из за нее на дискотеках, помогал ее семье то огород вскопать, то сено уложить. Отец Карлыгаш сыновей не имел. Зато пятеро дочек. Карлыгаш – самая младшая. Даулет ему всегда нравился. Серьезный, спокойный. Таким веришь. Раушан хорошо помнила, как весело было у них на свадьбе. На ковре символичная аппликация – два лебедя из ваты, палатка во дворе, столы буквой «П», огромные колонки. «Аяя – яяя – яя, Ак саулеее», – доносятся строчки из детства... Они так хохотали над нелепыми танцами взрослых. Вроде все как вчера было... Такой короткой оказалась линия жизни Карлыгаш.

Даулет за молоком иногда приходил с сыном, и мама Раушан оставляла их на чай. В то лето он стал чаще бывать. На свидания не звал. Но придя вроде как по делу, оставался подольше. А мама уходила сериал смотреть. Маленький Серик с собакой во дворе играл. Там, на летней кухне, он ей и «предложение» сделал.

– Раушан, ты скоро назад в город?

– Не знаю, – уклончиво ответила она. Прошло три месяца, а любимый так и не объявился. Ни звонка, ни тем более приезда. Хотя кумалаки ей замужество обещали.

– Сама видишь... пацан у меня растет. Тетям его не отдам никому. И ты тоже... симпатичная... – он кашлянул неловко. – В доме ремонт сделал... удобства провели все. А то Серик вон бегал в уличный туалет. Потом лечили ему там... – он потерял мысль.

Ее мама зашла и он засобирился. Раушан заволновалась. Все-таки хотелось услышать, как ее замуж позовут. Хоть и неожиданно.

– Я вас провожу, до калитки, Раушан-тате, – подбежал оживленный Серик. – Можно щенка у вас взять черного?

– Конечно, возьми, – улынулась Раушан. Счастливый Серик побежал вперед. Она взяла Даулета за руку, – я согласна, агай.

После слов о разводе Даулет и Раушан не спали до утра. Она – в спальне с дочкой. Он – внизу в гостиной. Это мучительное чувство, когда и мозг и тело устали, а тревога и давящие мысли не дают провалиться в спасительный сон. Первые два года после смерти Карлыгаш, он месяцами жил в таком состоянии. Друзья предлагали попариться в бане, выпить, снять напряжение. Но он понимал, что если даст слабину, то скорее всего напрочь запьется. А у него есть сын, ради которого нельзя просто жить по инерции: день да ночь – сутки прочь. Как-то учительница сына намекнула, что Серику бы нужно постричься. Даулет не знал куда деваться от стыда. Глянул на сына – рубаха измятая, штаны короткие. Он вспомнил как три года назад Карлыгаш суетилась, наглаживала рубашки ему и будущему первокласснику Серику. Как они собирали школьный рюкзак. Отправив сына спать и оставшись один в спальне, как ни старался заглушить боль, не мог сдержать слезы отчаяния. Грезил, как проснется и скажет утром живой жене: «Уфф, такая фигня приснилась, пошли чай пить». Но утром звонил будильник и напоминал о суровой реальности.

Чтобы облегчить быт, Даулет полностью обустроил дом – стиральная машина, канализация. Достроил баню. Все, о чем мечтала Карлыгаш при жизни, теперь было у них. Многие были не против выйти за него замуж. Статус начальника и репутация порядочного семьянина играли не последнюю роль.

Родные говорили – подумай о сыне. Ему нужна мать. Даулету казалось, что если жениться по этой причине, то это не будет предательством Карлыгаш. И очень не хотел внутренне признать, что и сам устал от одиночества. Ему хотелось, подходя к дому, видеть свет в окнах, и чтобы с порога пахло жареными баурсаками.

Когда женился на Карлыгаш – сбылась мечта. Родился Серик – от радости полупьяный ходил.хлопоты приносили удовольствие. Особенно любил купать первенца. Жену жалел – и ночью вставал к сыну, и полы мыл (предварительно закрыв дверь на ключ, чтоб никто из соседей не зашел и не назвал за глаза подкаблучником). Вечером торопился домой – успеть поужинать, рассказать новости, понюхать сына, очередную серию фильма посмотреть, а если повезет и малыш уснет пораньше, то и с женой уединиться.

Как-то сосед ему признался, что не хочет идти домой. Жена вечно недовольна и много кричит. А Карлыгаш, жена соседа, наоборот жаловалась, что валится с ног от усталости, а муж ведро угля ленится занести и поэтому выбегая полураздетой, она застудила грудь. У них же никогда не было ссор и громких выяснений. Даулету иногда даже хотелось, чтоб жена высказалась. Ему приходилось догадываться, что ей что-то не нравится по задумчивому молчанию.

– Что случилось?

– Ничего, – отвечала она и уходила в детскую.

Ему уже мерещилось, что остыла, что, может быть, устала от однообразия и надо бы выехать в город прогуляться. Теряясь в догадках, потихоньку, чтобы не разбудить сына, ложился рядом, обнимая ее.

– Даулет?

– Ау?

– Ты ж говорил, что Венера Нигматулина из всех актрис в фильме самая красивая?

– Ну да.

– Так она ж там накрашенная!

– Ой баай, ты поэтому что ли ходишь молчишь? – он хохотал и над ней и над своими страхами.

– Тебе смешно, а я потолстела на два размера аж, завтра к Галие понесу материал, платье сошью побольше.

– Я люблю аппетитных, иди сюда.

Он был так счастлив, что иногда казалось что так не может быть всегда. Что все слишком хорошо чтобы быть правдой жизни, а не красивым фильмом. И, к своему горькому сожалению, не ошибся...

Полюбил ли он Раушан за эти годы? Боялся задавать этот вопрос даже самому себе. После смерти жены привык к тупой ноющей боли в груди. Особенно горько было видеть издали кого-то похожего на нее или слышать песню, под которую они танцевали. Брат как-то сказал ему: «Время лечит». А он не хотел забывать. Не хотел, чтобы наступал тот день, когда он не будет ее вспоминать. Это значит предать ее и все, что было у них. Любил включать любимую кассету и мелодия воскрешала ее образ – руки, раскатывающие тесто, прядь волос, выбившуюся из-под платка.

Но человек – существо живучее. Устает страдать. Хочет тепла. Захаживая к матери Раушан за молоком, он невольно радовался приглашению попить чай. Хотя и стеснялся показаться навязчивым. Шустрая общительная девушка помогала ему преодолевать неловкость в разговоре. Однажды возвращаясь от них с бидоном, он шел без настроения. В тот вечер Раушан не было дома. Он решил, что она снова уехала в город. Спросить постеснялся. Набрал город-

ской номер. Может, все же не уехала. «Алло», – услышал он ее звонкий голос и скорей бросил трубку, как будто она могла узнать кто на том конце провода. На следующий день он и сделал ей то неуклюжее предложение, которое она, к его удивлению, приняла. Самым сложным было теперь сказать сыну. Столько всего передумал, но так и не нашел ни слов, ни момента. Когда сонный Серик выглянул на шум в дверях, Даулет, затаскивая баулы, не глядя в глаза, бросил: «Тетя Раушан будет с нами жить».

Раушан хотелось, чтобы и ее бывший, и все подруги поскорее узнали, что она вышла замуж. И не за абы кого, а за обеспеченного, уважаемого в районе человека. Огорчало то, что Даулет отказался не то чтобы от свадьбы, но даже от небольшой вечеринки. Хотя расписались они официально. И сватовство как положено провели. Родные приехали, поддержали беседу за столом. На подарки Даулет не поскупился. А уже позже, на день рождения Раушан, разрешил собрать гостей. Ей подарил кольцо с настоящим бриллиантом. Она с радостью всем показывала коробочку с биркой и пробой. Он был благодарен ей за уют, за то что не обижает сына, смотрящего на них злыми глазами.

Раушан было жалко ребенка, потерявшего мать. Была уверена, что в ее сердце возникнут теплые чувства. Но одно дело – пригреть ласкового одинокого малыша, и совсем другое – позвать ужинать упрямого подростка смотрящего исподлобья и захлопнувшего дверь с такой силой, что у нее отслоился и почернел ноготь. Всхлипывая, рассказала мужу. Она не хотела чтобы он его бил или серьезно наказывал. Но надеялась, что хотя бы заставит извиниться. Но муж промолчал. Долго курил на улице и не поужинав лег спать.

На следующий день она отпросилась к маме в гости с ночевой. Дома, разревевшись, и рассказала, что за эти два месяца супружества они ни разу не ночевали вместе, что сын ее ненавидит и даже не отвечает на ее вопросы, огрызается.

– Даулет тебе нравится?

– Ну да, он хороший человек, деньги дает, не спрашивает, куда трачу. Поест – всегда «спасибо» скажет. Только сына вообще не воспитывает. Что хочет, то и творит.

– А как муж нравится?

– Ну... я ж не знаю пока.

– А хотела бы узнать?

– Вообще-то, да... – покраснела Раушан. – У него глаза и брови... красивые... И ерунду не болтает... Не хвалится, хоть и начальник. Но Серик все портит между нами... Говорю, надень кофту – назло не наденет. Прошу, сходи в магазин – не идет. Зову кушать – не идет. Потом среди ночи потихоньку ест, еще и в холодильник назад не ставит, портит продукты.

– Дочка, послушай. Вообще не трогай, ничего не говори. Он думает, ты хочешь маму заменить, занять ее место. Предателем быть не хочет. Даулет пусть сам воспитывает, ты не лезь. Хоть голый пусть ходит. Постирала, погладила, сварила, а дальше сам знает. В его возрасте мы уже сено косили. И о помощи не просили.

– Мама, вот, палец смотри, как опух, а он слова не сказал ему.

Мама вытащила из холодильника мазь с иероглифами.

– На вот, это Куляш-тате брат привозил, за сметану задолжала, отдала мне, боль отлично снимает и отек, в тот раз помнишь, я с мешком упала на грядке, так за три дня прошло. И еще – не жалуйся Даулету.

– Мама, зачем тогда я пошла за него, чтобы это все терпеть?

– Он тебя бьет? Пьет? Кушать не дает? Не работает? Два месяца прошло и ты уже жалеешь. Вышла бы не за вдовца с ребенком, все равно другие проблемы бы были. Совсем плохо будет – уйдешь. Дом у тебя есть.

Серик не выносил мачеху. Но любил отца. От того, что он не наказал его за травму Раушан, было еще хуже. Она впервые ушла к своей маме с ночевой. Обычно ходила в гости в родительский дом, но к вечеру возвращалась. Отец с сыном за столом почти не разговаривали. Подогрели сорпу с мясом. А чай не пился. Отец молча вышел и долго курил во дворе.

Утром, несмотря на выходной, они проснулись рано. Серик слышал, как отец гремит внизу посудой. Во дворе звонко лаял подаренный мачехой подростый щенок в ожидании завтрака. «Могла бы и пораньше прийти», – бурчал Серик, накладывая еду своему любимцу. Наспех выпив молока с баурсаками, он убежал к Карине. Вернулся к вечеру, чтобы умывшись незаметно подняться к себе, не сталкиваясь с Раушан. Но свет горел только в спальне. В холодильнике стояла та же сорпа, что ели вчера вечером. Он постучался в комнату. Болью детства и маминых волос пронзила музыка, которую слушал отец перебирая их старые семейные фотографии, с которых улыбалась мама... «Папа, ты не спишь». Ему стало неловко от вида отца – слабого и выпившего... «Я к себе пошел», – виновато отвел глаза Серик и вышел.

Почему не пришла сегодня – беспокоила неприятная мысль. Одного дня что ли мало повидаться. Папке кушать даже не сварила. Хорошо, я у Карины поел. Может, и не придет больше. Тогда за вещами ж должна хоть прийти... Сходить мне завтра самому туда извиниться перед ней что ли – ворочался в постели подросток. Да пошла она... Сами проживем...

Проснулся он поздно. На часах показывало одиннадцать утра. В это время по выходным отец пил уже второй чай. В доме было тихо. Видимо отец вышел кормить животных или на летней кухне. А может за ней, как за королевой, поехал, поморщился Серик, но удивленно обнаружил отца в спальне. Спящим, окутанным стойким перегаром. Хлопнула входная дверь. Серик выскочил и увидел запыхавшуюся Раушан с сумками, полными помидор.

– Серик, папу позови, надо мне банки и эти пакеты перетащить на веранду, засолку буду делать.

– Эээ... сейчас. Вы пока идите туда сами, там все готовьте, сейчас принесем, – он побежал к отцу. – Пап, вставай, тетя Раушан пришла!

Ему не хотелось, чтобы она подумала что папка – алкаш. Он открыл окна чтобы проветрить и сам понес банки на веранду, пока взъерошенный опухший Даулет умывался и полоскал рот.

Нелегко построить семью людям, когда один из них – молодая девушка которую обманул парень из города, а второй – вдовец с сыном, безумно любивший первую жену. Но Раушан была веселая и вкусно готовила. А Даулет хорошо зарабатывал и почти не кричал. Он в принципе мало разговаривал. А у нее рот не закрывался. Сначала она была довольна и тем, что Серик прекратил открытую войну против нее. Им с мужем сразу стало легче дышать. Да и материальный достаток, устроенный быт, поднимает настроение девушке, все детство бегавшей в уличный туалет и таскавшей ведра, то из дома из-под умывальника, то в дом – с углем. Здесь же все было как в городской квартире.

Соседки завидовали ей. Хотя не каждая хотела бы своей дочери в мужья вдовца с сыном, сломавшем молодой мачехе палец. Раушан любила оставаться полноправной хозяйкой в доме. Серик с утра в школе, а после обеда наспех поев, убежал к друзьям. Даулет на работе до вечера. Прибрав дом и приготовив кушать, она успевала поболтать по телефону, посмотреть любимый сериал и даже книжки читала. Но со временем заметила что стала скучать если муж задерживается с работы. Стало не хватать слушателя ее бесчисленных рассказов – о жизни соседей, новостях в стране, «Секрете тропиканки» по первому каналу. А когда у них появились близкие отношения, купила шелковый бирюзовый халат с жар-птицами, закалывала загадочную дульку

на голове и это был вечерний намек. На который Даулет охотно реагировал. Когда забеременела, Даулет и сам не ожидал от себя, что так обрадуется рождению дочери. Взгляд Серика, так похожего на свою маму, как будто укорял его за эту радость. Но улыбка новорожденной, беззубое гуление, пухлые щечки, счастье от того что маленькое шестимесячное существо узнает тебя и нетерпеливо сучит ножками в кровати, просится на руки, победили в нем чувство вины.

Да и Раушан почувствовала себя увереннее, стала уже давать какие-то распоряжения мужу, хотя раньше несмело просила, как чужого. Дочка родилась маленькой копией отца. Когда ей исполнился годик, Раушан с Даулетом стали иногда оставлять ее с Сериком. Сначала он злился что вынужден бегать с горшком за ссыкухой, пока отец с женой шастает по гостям. Но после того как Карина, которая была ему ближе всех, стала навещать и сюсюкать с лялькой, он и сам незаметно привязался к маленькой плаксе, чуть что бежавшей к нему за помощью и утешением.

Семь лет промчались как семь дней. Серик закончил школу. У Даулета блеснула первая седина. Раушан было чуть за тридцать. Она облегченно вздохнула наблюдая за своим приемным сыном на выпускном вечере. Из упрямого упертого подростка он вырос в без пяти минут самостоятельного юношу. Она хоть и не смогла стать ему матерью которая от души целует и обнимает своего ребенка, но желала добра и даже пекла медовый торт на его день рождения, созванивалась с Кариной, советуясь что подарить. Как и мама Карины, она надеялась что они в будущем поженятся.

Глава 5. Студенчество

После признания и поцелуя Между Сериком и Кариной исчезла та степень откровенности, когда слова льются из души, не проходя обработку в голове. К платонической дружбе они вернуться не могли. Прошли точку невозврата. А перейти на романтический этап не могла Карина. Ей было стыдно признаться даже самой себе, что ей неприятны его порывы. Как будто брат пытается поцеловать. Но теплые чувства никуда не исчезли. Она злилась на себя и пыталась привыкнуть к своей новой роли – девушки Серика. Позволяла себя обнимать и целовать, чтобы не потерять родного человека.

Это было последнее подростковое лето несовершеннолетних. Последние дни перед отъездом в родительском доме. Что там впереди?.. Большие надежды и Она – прекрасная, мимолетная, обещающая шальное счастье, молодость. Пьянил запах свободы и волновал страх будущего. Какое оно? Что будет через 10 лет? Когда вам 17, то тридцатилетние кажутся солидными степенными людьми, а уж 40-летние – так и вовсе пожившими на свете. А глядя на стареньких бабушек, собирающих в кулечек сладости для внуков после застолья, приходит мысль: «Ооо, как долго мне нужно еще прожить, чтобы стать такой семидесятилетней бабушкой, с тяжелыми сережками, оттянувшими мочки ушей».

Когда наступает тот момент осознания что тебе уже 30? 40? 50? Ведь вы вроде вчера 17-летние стояли на перроне и прощались. Кто-то с первой любовью, надеясь что она одна и навсегда, а разлука еще больше сблизит. А кто-то с родительским домом и другом детства.

– Карина, у тебя грант, с ним можно в другой вуз, давай сдадим документы в Алматы, квартира уже считай есть и мы не будем расставаться!

– Эта тема уже закрыта, маму одну так далеко я не оставлю, а мой вуз всего в 100 км от нас, – грустно улыбнулась Карина.

– Раушанка мне сказала, что раз в разных городах будем, то все забудется быстро... Что ты встретишь там...

– Серик, давай не будем думать наперед. Ты же знаешь, у меня ближе людей чем ты и мама, нет.

«Серик, сынок, заходи в вагон», – окликнул Даулет. Сам не заметил, как у него вырвалось слово «сынок». Обычно они не проявляли чувств друг к другу. Иногда очень хотелось сказать сыну и он даже ждал случая – на день рождения, например. Но каждый раз стоял ком в горле как только он собирался что-то сказать. Только с маленькой дочкой не стеснялся быть ласковым. А тут... Может, стресс от того, что вихрастый семилетний ребенок, которому он после смерти жены гладил рубашки и оттирал клей на штанах, вдруг стал парнем на полголовы выше него и уезжает жить отдельно. Они разобрали сумки, переоделись для пути в вагоне, постелили постель, попили чаю с лепешками и легли. Серик достал любимую кассету, вставил в плеер и песня Парвиза Назарова. «Еду на юг» отозвалась в его страдающем от первой любви сердце, тайными слезами...

Прошло полчаса как отъехал поезд, увозивший друга детства. Человека с кем связаны дорогие воспоминания – как вместе жевали гудрон, носились на переменах, перекидывались записками, ездили в походы, пекли картошку на костре, играли на гитаре. Карина все еще стояла на пустом перроне. Именно в этот момент она осознала что скоро начнется совсем другая жизнь. Юность передает эстафету молодости. Она распечатала конверт. С фотографии

на нее смотрели два улыбающихся подростка. Это они фотографировались по случаю окончания девятого класса. На обратной стороне она прочла:

Мы повзрослели незаметно
Другой ты стала, другим – я
Лишь продолжаю беззаветно
Я верить и любить тебя.

Хочу увидеть взгляд открытый
Услышать голос твой родной
И вспомнить все, что пережито,
И все, что связано с тобой.

Но ни о чем просить, поверь,
Я не хочу, могу понять,
Коль постучался не в ту дверь,
То могут и не отворять.

Но мое сердце сохранит
Твой поцелуй, твою улыбку
И даже если безответна
Любовь не может быть ошибкой.

Последние строки она дочитывала со слезами. Ей было обидно за Серика, как будто его чувства не разделил кто-то другой, а не она. Просто я всегда была рядом, а впереди все таки новая жизнь, первая детская любовь забудется, тем более на расстоянии, а рядом с ним будет чья то улыбка, чью он выделит из всех других, ведь люди когда расстаются в настоящем времени, им всегда кажется что таких чувств уже больше ни к кому не будет, а потом новые впечатления их поглощают и появляется другая любовь. Ей казалось что большая настоящая взрослая любовь, она другая, а то что волнует сейчас Серика, просто первая юношеская влюбленность.

Календарь показывал уже 20-е октября, а дни стояли еще довольно теплые. Столько новых впечатлений за неполных два месяца. Новый коллектив, новые преподаватели. Она так часто представляла себе как станет взрослой девушкой. Ведь когда тебе 15-ти, 18-летние студентки, приезжающие из города на выходные, кажутся крутыми опытными женщинами, живущими отдельно от родителей, употребляющими слова-семестр, зачетка, хвосты, сессия. А сейчас ей самой скоро стукнет восемнадцать.

Она легко нашла общий язык с группой, хотя коллектив попался разношерстный, разделившийся на две группы- приезжие и элита из местных. Деревенские тянулись к ней из за простоты в общении, местным нравилась ненавязчивость и интеллект, хотя своей среди них не считалась, так как тусовки и ночные клубы не посещала, да и пирсинг не делала. К общению с парнями она особо не стремилась. Не то чтобы ей не хотелось знакомств и общения, просто проявлять инициативу сама считала неженственным и раздражало заискивание девчонок перед круто четверкой парней из их группы. Крутость выражалась в наличии авто, модной одежды. Теперь она понимала, какой Серик редкий человек. Никогда она не слышала, чтобы он так много говорил о машине или обстановке коттеджа (они часто носились по этажам, разбив порой дорогой сервис, но никто не придавал всему этому большого значения. «Серик, это же сервис Мадонна!» – только и голосила Раушанка).

– Карина, пошли в эту субботу в клуб, там правда все дорого, но ты не напрягайся, я все оплачу!

Она вначале не сообразила, что именно ее шокирует. Это же очевидно, кто же еще платит, ведь он – парень, она – девушка. Когда они с соклассниками сидели в местном кафе, такой вопрос вообще не возникал, все было само собой разумеющимся. А сейчас ее подчеркнуто «приглашают».

– Спасибо, я не смогу, другие планы.

Фразу «У меня планы» она запомнила из бразильского сериала и она ей показалась удачной.

Глава 6. Встреча

Утром после ночного звонка Серика она никак не могла сосредоточиться на лекции. Говорил что очень скучает по ней и даже по маленькой сестренке. Ждет конца декабря чтобы скорей приехать домой и с ней и родными встретить Новый год. Ей было стыдно признаваться себе в этом, но новая жизнь так ее захлестнула, что не оставалось времени чтобы скучать по своему лучшему другу. А ведь он ей для того и подарил телефон, чтобы они созванивались. И маме ее тоже подарил. А она получается как раз маме только и звонила. Сзади передали записку от Тимура, с кем не состоялся поход в клуб.

– О чем мечтаешь?

Его внимание льстило, но на флирт с ним она не шла. Не хотелось мешать двум девочкам из группы, которые и так уже друг с другом соперничали за его внимание. Луч света играл с ее волосами и он задумчиво наблюдал за этим. «Вроде и не Бритни Спирс, что прям цену себе набивает», – думал он.

После занятий он ждал ее у крыльца, включив музыку в машине погромче. Посигналив привычным жестом поманил рукой, давая понять, чтобы она села. Реакции не было, поэтому пришлось подойти самому.

– Пошли, довезу.

– Спасибо, я близко живу, – улыбнулась Карина.

– Ты почему такая упертая? Просто провожу.

– Ну так пешком и проводи, если хочешь.

– Ладно, пошли, только машину закрою. Расскажи о себе.

– А что тебя интересует?

– Парень есть?

– Парня нет, а друг есть.

– Как это?

– Ну вот так это. А ты, наверно, один в семье?

– Откуда знаешь?

– Просто почему-то так подумала.

– Да, я один, ты же знаешь, кто мой папа.

– А кто твой папа?

– Ну ты даешь, – он рассмеялся. – А я после того случая с клубом к тебе как-то и подойти боялся. Думал, ты белая и пушистая, а тебя против шерсти не погладишь, – он протянул руку к ее щеке, она этот жест отклонила. – Слушай, а меня твоя провинциальная дикость даже заводит, – хмыкнул он.

Ей стало смешно от слова «провинциальная». Ведь в гимназии с детства она многое почерпнула, а в их доме при жизни папы были не только известные юристы, но и творческие люди, которые позже присылали им с мамой редкие книги.

– Мы пришли, спасибо.

– Такой старый дом! Без лифта. Еще и на пятом, наверно, живешь?

– Да, как раз на пятом этаже. Представляешь, этот дом построили в 75 году, мне хозяйка говорила, что ее родителям было 20 лет, когда им государство выделило здесь квартиру, как молодой семье. Получается, мебели и вещам в квартире почти 30 лет... А ты себя каким представляешь через 30 лет?

– Начальником! – они рассмеялись. Его сзади кто-то окликнул.

К ним приближался высокий мужчина в черной кожаной куртке. Когда он подошел близко, Карина разглядела что он ненамного старше них. Суровое лицо. Большие темные глаза. Ни тени улыбки. Даже приветственной.

– Привет!

– Привет. Это Карина, согруппница. Это Арлан.

– Здравствуйте, – почему-то на «вы» поздоровалась Карина.

– Здравствуйте... – он так серьезно и пристально на нее посмотрел, как будто частный детектив наконец нашел подозреваемую.

– Тима, не забудь мангалы.

– Да, я взял уже, в гараже были.

– Все, пока, до завтра.

– Зря Каринка отказываешься с нами, и погода еще хорошая – улыбнулся Тимур, а Карина смотрела вслед странному знакомому.

– На природу я б с радостью поехала! – неожиданно для себя согласилась она.

Она с вечера нажарила лепешек, отварила яйца, картошку, налила чай в термос для предстоящей поездки на дачу с новыми знакомыми. С их группы Тимур пригласил еще двоих-троих. Остальных она не знала. Ворочалась, волновалась. Уснула под утро. Поэтому и не услышала будильник. Проснулась от настойчивого звонка в дверь. На пороге улыбались красивые сокурсницы. Одна в облегающих джинсах, водолазке и сверкающих на солнце сережках – кольцах, как у Джэй Ло, другая – в коричневой кожанке и вельветовых клешах. Карина с грустью покосилась на свой бесформенный спортивный костюм Adidas, приготовленный с вечера.

– Карина, привет, все внизу тебя одну ждут, – возбужденно и весело ввалились они в тесную прихожую.

– Ой, сейчас, девочки, хоть умоюсь быстро, – она убежала в ванную.

Вместе с ней бесцеремонно забежала Камилла: «Я по-маленькому, быстренько!». Карина краем глаза покосилась на ее белье – вернее, полосочку сзади вместо трусов. Почистив зубы и наспех закручивая дульку, Карина смущенно спросила:

– А в них удобно?

– Ну это ж стринги! А с облегающими джинсами только их и можно! А ты в чем? – она задрала ночнушку и расхохоталась, – Мама мия! Привет из СССР! Еще и в горошек! – Карина торопливо натянула спортивные штаны.

– Ну не знаю, мама говорит, что из хлопка лучше всего для кожи, – смутилась она.

Спускалась вниз уже без особого энтузиазма. Девочки выглядели как солистки гр «Стрелки» – с красиво подведенными жидкой подводкой глазами, губами цвета «золотой песок», а она – как ученица на уроке физкультуры. Радовали ее только новые светлые кроссовки, которые они с мамой долго выбирали на рынке. Во дворе стояло три машины и два мотоцикла. Навстречу подошел Тимур с довольной улыбкой.

– Девчонки, кто в машину? А может, кто на мотоцикле хочет?

– Прямо уж, пыль глотать, в машину, конечно! – Камилла с Асель убежали в авто.

Карина в одном из мотоциклистов узнала вчерашнего знакомого.

– Карина, пойдём, садись уже в машину, и так позже выезжаем.

Она несмело подошла к Арлану и улыбнулась:

– Я вообще-то давно хотела на мотоцикле прокатиться. Вы не против?

– Я против, – отрезал он. – Еду на большой скорости, будешь бояться.

Она залилась краской стыда и готова была сквозь землю провалиться. Никогда она не сталкивалась с таким внезапным отказом. Да и не было необходимости просить. Серик все-

гда был рядом. Она поймала себя на мысли, что и инициативу то раньше не проявляла. Хотелось сбежать домой и никуда не ехать. Но это бы выглядело глупо.

– Давай, ко мне садись, – обратился второй парень на мотоцикле, – если Тима не против, – засмеялся он. – Ты ж его девушка?

– С чего вы взяли, мы учимся вместе, – вспыхнула она.

– Ну ок, поехали тогда.

Она обожала чувствовать, как ветер треплет волосы, свежий воздух наполняет легкие. Но удовольствие от езды перемешивалось с тревогой и досадой на себя. «Зачем я подошла к этому ненормальному типу? Только опозорилась. Как хочется отмотать как на пленке этот момент назад и не говорить ничего. Вот совсем ничего. Не ради ж него поехала. Придурок!» – бубнила она себе под нос, глядя в его спину, несущуюся на скорости от их мотоцикла.

Это была ее первая тусовка в новой компании. Совсем другие ощущения были от походов с друзьями, которых знаешь с первого класса, их родителей, дома из белого кирпича и сиренью в палисаднике, и даже кличку коровы с черными пятнами по бокам.

А эти ребята были тоже веселые, общительные, но с претензией на продвинутую городскую молодежь. Девушки даже курили изящно, модно. У Карины в деревне курящие девочки выглядели хрипловатыми пацанками в спортивныхках. А эти красиво танцевали, в облегающих джинсах, прижимались к парням и пили красное вино. Шашлыки, музыка, костер, прекрасный закат.

Она хоть и была зла на мотоциклиста, но невольно следила за ним. Он резко отличался от всех своей немногословностью и большую часть времени просидел поодаль, у реки.

– Карина, мы ляжем наверху, где мансарда, не бойся, ничего не будет, четверо там упадем, остальные внизу, – осмелел захмелевший согруппник.

– Я думала, мы в город вернемся.

– Если хочешь, вернемся, и к тебе тогда, – бубнил он, а Карина боковым зрением наблюдала за девушкой, повисшей на шее у Арлана.

– Тебе за руль нельзя же в таком виде, – вздохнула Карина.

– Да я только пиво пил, нормально все будет.

Она с грустью подумала, что так может говорить только тот, кто не хоронил близких после ДТП.

– Я могу отвезти, – предложил Арлан.

Алина вздрогнула, так как он подошел совсем близко к ним. Она даже почувствовала противный сладкий запах женских духов «Интим», пропитавший его одежду. «Липучка какая-то», – пронеслось в голове у Карины при взгляде на подоспевшую спутницу. Было стыдно перед собой за эти мысли.

– Но у вас же, наверно, были планы остаться здесь. Зачем из за меня ехать, – растерялась Карина.

– Ара, ты же видишь, девочка хочет сыграть в игру «Я не хотела, но осталась», – нервно рассмеялась Камилла, потянув Арлана за рукав.

Они удалялись в сторону домика. У Карины защемило в груди в унисон с гитарными аккордами, доносившимися из стайки утомленной и счастливой в своей молодости компании.

Тимур вертелся рядом, а ей хотелось чтобы он ушел и дал прийти в себя от внезапного волнения.

– Ты иди пока, там новую партию жарят, а я посижу у реки.

– О точно, давай я сюда принесу термос, шашлу, лепешки, вдвоем посидим.

– Хорошо.

Она была рада хоть ненадолго остаться одна. Задумчиво смотрела на осеннюю воду, которая вскоре покроется корочкой льда. Видевшую и слезы матерей по утонувшим детям, и смех влюбленных, шептавших первые милые глупости. Пройдет 200 лет, родится новое поколение, а мудрая река и лес останутся.

Шум мотора прервал ее мысли. Он подъехал быстрее чем она успела понять он это, или тот парень что привез ее на втором мотоцикле.

– Я уезжаю, – бросил он.

– А вы один? Без Камиллы?

Он промолчал и посмотрел на нее как на странную девушку. Ведь было видно, что никого нет в мотоцикле больше. Еще немного – и он уедет.

– Да неудобно мне, ваша девушка обидится.

– Она мне не девушка, – он завел мотор.

То ли от этих слов, то ли от ветра свободы в развевающихся волосах, но ей хотелось громко петь и смеяться, прижимаясь на скорости к спине этого хмурого парня.

Наверное, таким и бывает счастье – летящим, манящим, страстным и обещающим радость жизни. Эти редкие яркие вспышки люди вспоминают в горькие минуты и они дают надежду на завтрашний день. Они подъехали к дому. Она неохотно слезла и собралась уходить.

– Спасибо, Арлан.

– Не за что. Я все равно не собирался там оставаться.

– Ну пока? – улыбнулась Карина.

– Пока.

Она уходила, надеясь, что он окликнет и спросит, когда они снова увидятся. Но не окликнул.

От переполнявших мыслей и эмоций не могла уснуть. Странные фантазии лезли в голову. То он догоняет ее у двери подъезда и целует, то не отпускает у дома и они мчат на мотоцикле по городу. А вдруг он вернулся на дачу и был там с Камиллой?! Ведь с ней можно многое... У нее даже татушка есть на плече. И стринги...

От переполнявших мыслей и эмоций не могла уснуть. Странные фантазии лезли в голову. То он догоняет ее у двери подъезда и целует, то не отпускает у дома и они мчат на мотоцикле по городу. А вдруг он вернулся на дачу и был там с Камиллой?! Ведь с ней можно многое... У нее даже татушка есть на плече. И стринги...

Она вся извертелась, сбегала на кухню, слопав полбанки сгущенки с хлебом, затем каялась, что не влезет в те облегчающие джинсы, которые себе купит прямо завтра, оставит только пару тысяч дотянуть до стипендии на еду. Эх, надо срочно найти подработку, тогда уж и тушь себе купит удлиняющую, и духи – точно не слащавый «Интим», а «Siniora».

Глава 7. Разочарование

Она проснулась от настойчивого звонка в дверь. На ходу натянула халат вспомнив что хозяйка должна подойти за оплатой (о боже, плюс коммуналка и прощайте джинсы из ночных грез). На пороге стоял Серик... С огромным букетом и счастливой улыбкой. Как в кино.

– Каринка, привет! Ты ж обещала, что в эту субботу тоже приедешь, ну и я рванул, прибегаю вчера к тебе, а ты не приехала, я самым ранним поездом сюда! Сегодня уже опять назад!

Он занес на кухню сумку с вкусностями от мамы. Она была и рада ему, как близкому другу и не рада, как укору совести. Он обнял и хотел продолжить, но она увернулась и начала хлопотать на кухне. Он как-то изменился. Стрижка короткая. Голос смущенный. Вроде и свой, родной, да не совсем.

– Я тебе, смотри, что привез! – он подал пакет.

Развернула и обалдела! Джинсовка, да еще и в пору, а не с вечно короткими рукавами! И надо же духи! Ой, это не Siniora!

– Это настоящие французские, Каринка! Ходил там, нюхал и выбрал!

Она пшикнула и облако невероятного аромата окутало комнату.

– Серик! Спасибуще огромное! – она благодарно обняла его.

– Давай надень прям сейчас, она утепленная же!

– У меня пока джинс к ним нет, но как куплю, так сразу!

– Чего ждать-то, пошли выберем!

– Нет, спасибо, – смутилась Карина.

– Поехали, говорю!

Как она ни упиралась, но помимо джинсов Серик купил и сапоги из натуральной кожи! Хотелось чтобы снег выпал прямо завтра и захрустел под узорчатой подошвой! Они возвращались в квартиру к Карине, чтобы оставить покупки, перекусить и Серик впритык успевал на вокзал. Подходя к дому, она замерла.

Чуть поодаль во дворе стоял Его мотоцикл!. Да и Он был без шлема, узнать не трудно. Неужели к ней? Она издалека помахала в знак приветствия, но Арлан даже не посмотрел в ее сторону.

– Карин, ты кого-то увидела?

– Думала, согруппник, – зачем-то соврала она.

– Не, он тебя не знает, не ответил даже, помнишь ты вечно сестер Зиту и Гиту путала у нас в деревне? – засмеялся Серик.

– Ну так они и правда ж похожи, – попыталась она отшутиться, но на сердце стало совсем невесело. Она вяло пила чай и пыталась не показывать своего состояния. – А ты не обидишься если я не поеду провожать, устала немного.

– Нет, конечно, – теперь уже притворился Серик. Он обнял ее, но поцелуй в губы она отстранила.

Наконец захлопнулась дверь и она заплакала. От стыда за свои непонятные чувства к чужому суровому человеку на мотоцикле. Чувствовала себя предателем и свиньей по отношению к самому лучшему преданному другу.

К кому же он мог прийти то, кроме нее? Совпадение что именно здесь дела возникли? Схватила телефон, набрала Тимуру.

– Привет, как дела? Чего сбежала то?

– Да мне сюда просто должна была мама позвонить, не хотела чтоб она нервничала, где я.

– Ясно, ну хоть позвонила.

– Слушай, мне нужен номер Арлана! Вчера моя сумка осталась у него в мотоцикле.

– И ты к ночи вспомнила про нее?

– Да какая разница, блин. Пока!

– Да че ты занервничала то, записывай. Но имей в виду, там без вариантов.

– В каком смысле? Он женат? – выдала себя Карина.

– Нет, не женат, – рассмеялся не без ехидства согруппник, – звони давай, но имей в виду, Камиллка тебя уже опередила.

– Да плевать мне на их дела, мне сумка нужна, понял? – Карина уже и сама поверила, что забыла у него сумку.

Так. Все. Уже набрала... Гудок идет... Даже если и передумает и бросит трубку сейчас, Тимур, конечно, ляпнет позже что она просила номер. Так что назад хода нет.

– Алло, – наконец ответил строгий серьезный голос.

– Здравствуйте, это Карина, – от волнения она не знала с чего начать, голос предательски дрогнул. И на том конце тишина, никакого приободряющего «привет, как дела». Тупая зловещая тишина. – Я вас видела сегодня возле моего дома, подумала, может, вы хотели поговорить...

– С кем поговорить? – жестко ответил он.

– Ну я же там живу... Поэтому подумала, может...

– Послушай, Карина, у тебя, как я понял, есть парень.

– Это не парень, это друг детства! – вырвалось у нее.

– Мне до этого дела нет, приезжал не к тебе, если ты за этим позвонила.

От позора и унижения ком застрял в горле и она даже не знала как попрощаться, просто нажала отбой... Лицо пылало, под струей холодного душа она пыталась прийти в себя и справиться с набегавшими слезами.. Боже мой, я как Иуда, тут же отрекаюсь от Серика, самого близкого после мамы. Ради кого? Что я знаю о нем? Карие глаза, суровый взгляд? Это стоило того чтобы самой просить чтобы подвез и получить отказ? А как только предложил, послушно прыгнуть на заднее сиденье? Это стоило того чтобы звонить самой??? Узнавать номер??? Не она ли осуждала девчонок проявляющих инициативу, говорила» Ну где же ваша гордость, девочки? Не она ли брезгливо смотрела на повисшую на шее Камиллу? Пошел он, со своей холодной каменной мордой. Два уха, два глаза как у всех, один из огромного количества людей, жила прекрасно до этой встречи и еще проживу. Придурак.. Еще раз умыв ледяной водой опухшее от слез лицо, она заварила черный свежий чай, от души добавила молока и прихлебывая еще раз перечитала коротенькую записку от Серика, смущенно оставленную в кармане подаренной джинсовки: «Я буду любить тебя и через 20 лет».

Утром она встала пораньше, умылась и начала новую жизнь со стрелок на глазах, конского пышного хвоста накрученного в локоны, безумно блестящих сережек в виде крупных колец, аромата новых духов, шикарной утепленной джинсовки, напоследок накрасила губы и сменила удобные ботинки на неудобные, зато на каблуках. Напевая под нос, вышла на улицу. Какой это кайф оказывается ловить на себе взгляды и с улыбкой гордо проходить мимо не здороваясь с мужской половиной первой. По реакции Тимура, войдя в аудиторию, она поняла что выглядит неплохо. На любимом уроке немецкого блеснула безупречными артиклями и временами глагола получив высший балл. С девчонками общалась. Парней не замечала. После занятий вышла с сокурсницами на крыльцо. В одной из студенческих кучек стоял ОН. С Тимуром и своей группой заочников.

Тимур махнул им рукой и Камилла с девчонками чуть ли не вприпрыжку поспешила к ним. Карина не пошла, но чтобы выйти, все равно нужно было проходить мимо. На ее счастье Айгуль шла в ее сторону и просила подсказать по непонятным вопросам в учебе. Увлеченно беседуя с ней и отвернувшись затылком к их кружку, она пыталась мысленно успокоиться и твердила внутреннему неуверенному ребенку: «Я – крутая Джэй Ло».

– Карина! Че как неродная, иди сюда, я в твою сторону, подвезу, – окликнул голос Тимура.

Она обернулась и обожглась об его взгляд. Расстреливающий в упор.

– Нет, спасибо, мы в библиотеку сначала.

Все... Скорей уходить. Ни слова больше. Уфф...

– Симпатичный он, да? – спросила Айгуль. – В кожанке который?

– Арлан? – равнодушно спросила Карина.

– Неет, этого Камиллкиного я знаю. Тимур!

– Ааа, – облегченно вздохнула Карина, пытаясь унять раздражение от слова «Камиллкиного» с мыслью: «Вон нормальные люди, даже когда ЭТОТ рядом, других замечают».

Глава 8. Падал белый снег...

Выпал первый снег, такой же наверно как и 30 лет назад, когда мама Карины была советской студенткой. Старые стены института встречали и провожали не одно поколение молодых, уверенных что студенческие годы это долгое увлекательное путешествие во времени. А на самом деле проснешься утром, включишь чайник и пойдешь будить 17-летнюю дочь, позже сядешь в авто, услышишь любимую песню от которой вчера в танце кружилась голова и поймешь что хиту уже 20 лет..

Карина радостно отметила еще минус два сантиметра на талии и побежала переодеваться. После танца физкультурников, ее испанский номер. Впервые она выступала сольно. В школе всегда в паре с Сериком или девочками. На концерте «Ко дню Независимости» их группу представляла она. У нее был свой способ не волноваться-не смотреть в зал, не разглядывать лица. Танцевать как на репетиции. Если заглохнет музыка, спокойно улыбаться, а не пунцовая убегать за кулисы. А самый главный помощник – это освещение, благодаря которому ты и при желании мало кого разглядишь в зале. Хореограф шепнула: «Карина, не забудь, после третьего аккорда!». И воткнула еще одну шпильку в зацементированную лаком дульку с огромным красным цветком на голове.

Заиграла песня и она вышла. Эх, все таки волнения не смогла избежать, но везде в такт попадала и от аплодисментов и ободряющих выкриков группы, двигалась увереннее. Но главная фишка – шпагат в конце. Нужно было не бухнуться, а гармонично закончить им танец. Уфф. Какое это прекрасное чувство, особенно для человека только делающего вид что он может быть публичным. А в душе дрожащим как осиновый лист, прокрутившим миллион сценариев – что сломается каблук, свалится цветок с головы, замолчит музыка, что после номера будет вялая тишина, разбавленная двумя-тремя благотворительными хлопками. И была так благодарна всем кричащим, хлопающим! Лишь переодевшись за кулисами, почувствовала как дрожат коленки.

Раскрасневшаяся, вышла в актовый зал, уже началась дискотека. К ней подошли согруппники: «Каринка, давай на новогодний вечер вместе разучим танец и зажжем!». «Конечно, девочки, можно у меня репетировать после пар», – улыбалась Карина и вдруг увидела Его... Он стоял полубоком и разговаривал с Тимуром. В синем вязаном свитере, джинсах и... с цветами в руках.

А вдруг мне? – мелькнула невероятная мысль. Ведь кроме нее из его знакомых никто не выступал сегодня. Хотя откуда ей знать всех его знакомых. Человек даже не здоровается. Хотя никакого конфликта между ними не было. Даже если не интересна ему, есть же элементарная вежливость. Опять ноющая тоска, опять чувство стыда. Как хорошо что мысли другого человека нельзя услышать. Как и стук сердца. Если не прислониться близко к груди.

– Девочки, это же друг Тимы, в синем? Мотоциклист который?

– Уже автомобилист, – засмеялась Айгуль. – Сейчас как раз поедем все обмывать его машину.

Карина растерялась.

– Я не знала, что это Арлан пригласил. Думала, мы сами едем группой отмечать праздник. Тем более меня лично он не звал.

– Тууф, он никому приглашения официального не вручал, Тима сказал: «Девчонки, кто хочет, поехали, Ара платит».

– Ммм, понятно, но я не смогу, – она спонтанно чмокнула Айгуль и почти убежала в гардеробную.

Прочь отсюда. От нового разочарования. Впопыхах натягивая китайский пуховик и шапку, в которой так не хочется чтобы увидел парень, она поторопилась к выходу. Ну надо же! Их гоп-компания уже стояла на крыльце! Плевать! Скажу «Всем пока» – и мимо себе потопаю пешочком по снежочку. Хотя хотелось бы чтобы под носом у этой каменной морды забрал вертолет с Дикаприо. Поравнявшись с ними, она попрощалась.

– В смысле «пока»? – не понял Тимур.

– У меня планы изменились, – неестественно хихикнула Карина, пунцовая от высокомерного взгляда Арлана.

Он молча пялился. Ну так и она не обязана здороваться и поздравлять с машиной.

– Любишь ты кидать, – закурил Тимур.

– На Новый год точно приду, 27 го же?

– Ну, смотри, тем более ты хвасталась, что торты печь умеешь, посмотрим.

– Ага, давайте, до понедельника, – бросила она, уходя достав телефон и набрав Серика.

Отстояв очередь в Народном банке за стипендией и выбрав маме в подарок мягкое голубое полотенце, Карина прибежала домой, наспех глотнула чаю, накрутила волосы плойкой, уже умелым жестом нарисовала стрелки на глазах, распаковала новенькие черные капронки и пыталась решить что надеть – бархатное зеленое платье-футляр или красную модную рубашку на пуговицах-клепках с черной кожаной юбкой.

Наконец определившись накинула пуховик, (который мечтала сменить на длинную крашеную дубленку в которых щеголяли девчонки в универе) схватила слава богу поднявшийся бисквит, смазанный вареной сгущенкой и выбежала на крыльцо, где уже стояла машина Тимура, набитая счастливой шумной толпой, торопившейся встретить канун Нового года на одной из съемных квартир. Всего 4 месяца назад они с интересом разглядывали друг друга, с кем будут разделены 4 года учебы. Не все дойдут до выпускного. Но сейчас то экзамены сданы, зачетки в печатях, впереди каникулы и большие надежды на светлое будущее. «Чужие губы тебя ласкают, чужие губы шепчут тебе», – надрываются «Руки вверх», и совсем скоро календарь отсчитает новый этап в жизни человечества.

Почему в 18 любая шутка – смешная? Любое блюдо – вкусное, каждая вторая песня – любимая. Кто влюблен или хочет влюбиться, то есть все, ждут медляки. И по паре сразу видно, пригласил парень девушку на «разогрев» (то есть для приличия приглашают раза два не тех, кто нравится, а чтоб меньше стесняясь раз на третий пригласить ту самую) или основную. Одни шутят, смеются, а вторые притихшие и смущенные танцуют под песню из Титаника в полумраке. И кто-то невлюбленный, обязательно врубит свет, чтоб на него хором наехали и снова погасив электричество, продолжили романтику. В компании было и несколько новых парней и девушек. Часть курила в подъезде, несколько пар уже забились по углам перешептываясь, Карина освежала стол салатами, решив что сразу в 12 как они все чокнутся фужерами с шампанским, она и уйдет. Хоть было и 27 декабря, шампанское решили открыть как и 31го, в полночь, и загадать желание...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.